

— Молодец, товарищ Сурков! С каждым днем у тебя все больше попаданий.
— Это потому, товарищ командир, что я каждый день читаю газеты!..

НЕЗАВИСИМАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Фельетон Б. Самсонова

Рисунок М. Храпковского

В НАЧАЛЕ было весело.

Пу И, правителя независимой Манчжурии, привезли с супругой японские генералы в экстренном поезде.

Перед высадкой в Чаньчуне дежуривший генерал сказал:

— Вы не забывайте самого существенного. Как вас зовут-то?

— Пу И.

— Пу И? Ну, ладно, ничего, сойдет. Так вот, господин Пу И, помните главное. Вы сейчас станете независимым правителем независимого Манчжурского государства, — сокращенно Манчжоу-Го.

— Не говори Го, пока не перепрыгнешь, — глубокомысленно пошутил Пу И.

До генерала шутка не дошла.

— Насчет перепрыгнуть, — мы берем на себя,— строго сказал он,— а ваша обязанность — быть независимым. А то — понимаете?

— Помилуйте, ваше превосходительство! Как не понять. Вы наши отцы, мы ваши дети.

— То-то!

На вокзале в Чаньчуне весело трепыхались японские флаги. Играл оркестр. На платформе был выстроен почетный караул из японских жандармов.

Пу И выглянул в окно и заорал:

— Караул!..

— Что вы орете? Это же почетный.

— Прошу прощения, ваше превосходительство. Обмишулился от избытка независимости.

При выходе из вагона Пу И заметил среди жандармов знакомого китайского генерала Ма.

— Ба! Генерал Ма! — обрадовался Пу И. — А это кто?

— Это тоже генерал: Си Ся.

Генерал щелкнул шпорами.

Супруга Пу И покраснела.

Сели в автомобиль и под конвоем поехали в город.

— Может, ваше превосходительство, без конвоя было бы приличнее? — спросил независимый Пу И.

— Без конвоя еще неприличнее. С конвоем почетнее. И главное башку не оторвут.

— А разве могут оторвать?

— Очень просто. Народ полезет на радостях целоваться, и в сутолоке оторвут... на память.

— Ты бы, Пуиша, спрятался под зонтик, — посоветовала супруга. — Долго ли до греха?

— Не беспокойся. Видишь, как народ разбегается при нашем появлении?

Перед дворцом была сооружена бамбуковая арка, украшенная японскими флагами.

— А где же независимые флаги Манчжоу-Го?

— Есть и Манчжоу-Го. Их не видать под японскими. Да японские и красивее: восходящее солнце — это вам не фунт риса.

Во дворце, как в приличных домах, был накрыт завтрак. Генералы пили го-сотерн за независимость Манчжоу-Го.

Пу И с дороги с'ел целую собаку. Си Ся по этому случаю не преминул сострить. Смеялись так много, что Пу И встал и поднял руку:

— Дозвольте выйти.

Японские генералы посовещались и согласились срочно запросить Токио.

Наступил вечер. Пу И собрался спать.

— Откудова эти пьяные вопли?

Он открыл ставни. На заднем дворе белогвардейцы нестройно пели: „Боже, Пу И храни!“

Правителя замутило.

Жена посмотрела на него и вздохнула.

— И вообще мы, Пуиша, кажется, влипли. Ты по крайней мере говорил о жалованье?

— Не добился толку. „Служи, — говорят. — Не обидим. Харч наш, чай и сахар тоже хозяйские. Старайся“.

— Ну, а ты?

— Я— что же? Сказал: „Будьте покойны: готов в лепешку расшибиться и лопнуть“.

— Не лопнуть бы только, как Чжан Цзо-лин от японской бомбы.

— Вещь немудреная.

— А все-таки попроси лучше за месяц вперед. Помнишь, такого же независимого правителя принца Вида в Албании?

— Ну, как же! Ему пришлось бежать в 1914 году из Дураццо от албанцев без выходного пособия.

— То-то и оно! Такая же дурацкая история может случиться и здесь.

Хорошо начатый день закончился в мрачных разговорах о превратности судьбы независимых монархов.

Пу И перед отходом ко сну проверил замки у чемоданов.

— Положи на столик душистого вазелина, может, ночью придется смазывать пятки.

Пу И положил два тюбика и скорбно вздохнул.

— Охо-хо! Тяжелый хлеб — служба!

За дверьми спальни независимого правителя мерно шагал японский часовой. Вдали выли собаки, предназначенные для стола, и белогвардейцы, исполнявшие гимн.

Б. Самсонов.

Л. Генч

НЕОБЫЧАЙНО МЯГКОСЕРДЕЧЕН, ЛЮБИТ БЛИЖНИХ И ПРИМИРЯЕТСЯ С ВРАГАМИ.

(См. рисунок справа)

КЛАССОВО НЕПРИМИРИМ. ВЫДЕРЖАН НА СТО ПРОЦЕНТОВ.

***ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ:** Не думайте, что перепутаны подписи. Эта путаница существует и в мировоззрении и в практике работы оппортунистов, примиренцев и гнилых либералов.*

Фотокарикатура Б. Клинчо

Ряд китайских организаций обратился в Ватикан с мольбой о помощи против японских насильников. Папа ответил, что он только и молится о „ниспослании мира“.

(Из газет)

ПАПА (*Христу*): — *Пишите... „В ответ на ваше обращение небесная канцелярия сим ставит вас в известность... запятая... что души пострадавших китайцев будут пропущены в рай беспрепятственно... точка“*

ДЕНЬ КОШКОНОСОВА

Рыжий будильник Треста точной механики противно заверещал. На сбившемся набекрень циферблате его стрелки показывали пять минут десятого. Значит, было ровно восемь часов утра.

Кошконосов замигал сонными разбухшими веками, почесал вз'ерошенный белобрысый затылок и проснулся.

И тут в сознании его промелькнула первая отчетливая мысль:

„Он проснулся, как всегда, бодрый, с удовольствием ощущая свое молодое здоровое тело, и прислушался к его властным зовам“.

Кошконосов обычно мыслил о себе как бы со стороны и в плане тех книг, которые ему нравились.

Ванная, куда направился Кошконосов, поставив чайник на огонь, была занята кем-то из соседей.

Кошконосов чертыхнулся, но вдогонку ругательству послал приятно закругленную фразу:

„Жизнь создавала на каждом шагу неодолимые препятствия этому незаурядному человеку, что вызывало у него порою горькую усмешку“.

Затем, выйдя на улицу походкой, относительно которой, разумеется, было отмечено, что она была „пластичной и полной внутренней силы“, Кошконосов сел в трамвай и поехал на службу.

— Поздновато, поздновато! — заметил старший бухгалтер Иван Наркисович, когда Кошконосов подошел к своему столу.

— Трамвая, Иван Наркисович, полчаса дожидался, — вкрадчивым голосом ответил Кошконосов. А про себя он добавил: „Грубая нечуткость людей подчас больно задевала его нежную, как мимоза, душу и заставляла горько усмехаться“.

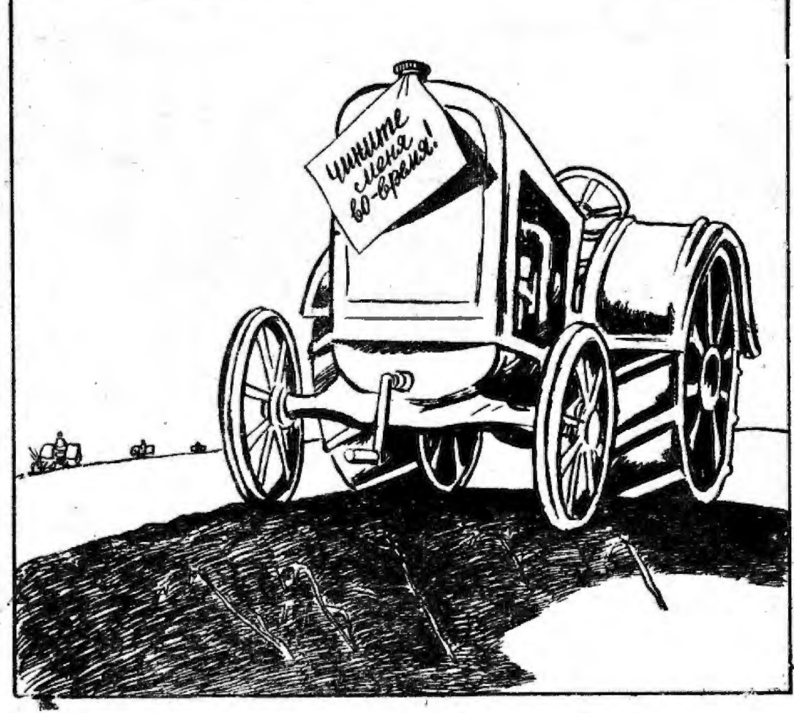
Кошконосов раскрыл книгу и, не глядя, привычным жестом потянулся за ручкой. На постоянном месте — подле чернильницы — ручки не оказалось.

Кошконосов обратился к соседке по столу:

— Товарищ Мамкина, вы не брали моей ручки? — Конечно, мысленно вопрос этот был дополнен таким образом: „Он безо всякой подготовки оглушил ее вопросом о краже, отлично зная, что даже самые опытные преступники проговариваются, если их допрашивать врасплох“.

— Нет, не брала, — ответила Мамкина. Она огляделась и, указав пальцем на пол, об'явила. — Да вот она, ваша ручка, под столом валяется.

А. Генч

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

Кошконосов, кряхтя и багровея, полез за ручкой.

„Он горько усмехнулся“, — подумал он по привычке. — Или нет, не „горько усмехнулся“, а — „добродушно рассмеялся“, а еще лучше — „широко улыбнулся“.

После службы Кошконосов направился в столовую обедать. На этот раз походка была „утомленная, но изящная“. Сидя в столовой в ожидании обеда, Кошконосов размышлял о том, будет ли обед „вкусный и питательный“ или „обильный и изысканный“.

Коренастая официантка, поднеся на огромном блюде чуть ли не двадцать блюд сразу, сунула нашему герою две тарелки.

„Гм, — подумал Кошконосов, — обед скорее вкусный и питательный, чем обильный и изысканный“...

Он глотнул ложку мутного супа и почувствовал, что эпитет „вкусный“ решительно отпадает. Определение „питательный“ тоже находилось под большим сомнением.

И хорошо тренированный Кошконосов скоро придумал:

„Он был выше всяких житейских мелочей“, — изрек он, уничтожая мутный суп.

Обед окончен.

„Деловой и решительной“ (раз предполагается „огромная работа“) походкой Кошконосов выходит на улицу. Но „огромной работы“ в природе не существует, и потому шаг его делается развинченным, он покачивает бедрами, высокомерно щурится.

„Ему доставляло удовольствие, прогуливаясь, привлекать взгляды встречных женщин...“ — шепчет Кошконосов на улице.

У под'езда стоит гражданка в пальто, опушенном длинноворсным пестрым мехом, наподобие полости на санях лихача. Губы ее представляют собою бутерброд с помадой ярко-кирпичного цвета. Кошконосов бросает на нее взгляд знатока по женской части, и в голове его возникает стих из романса:

„Мы встретились, как искры на пожаре“...

Гражданка в свою очередь бесцеремонно оглядывает Кошконосова небольшими, но густо подмазанными глазами.

„И она подняла на него свои огромные фиолетовые глаза“... — констатирует мозг Кошконосова.

В это время из под'езда вышел человек в плюшевой пятицветной кепке с портфелем под мышкой. Человек берет об руку гражданку, и они удаляются.

„И разошлись, как в море корабли...“ — пробегает в сознании Кошконосова.

Кошконосову нужно итти в ту же сторону, что и чете. Он почти нагоняет их и слышит, как гражданка оживленно рассказывает своему спутнику:

— Хорошо, что ты скоро вернулся. А то какой-то начал уже меня рассматривать. Сам — плюгавый, в пенсне, а тоже — лезет.

„Горько усмехнулся“, — проносится в голове Кошконосова раньше, чем он окончательно осознает, что произошло. А осознав, Кошконосов идет в обратную сторону.

„Люди редко понимали его. Он был на целую голову выше современников“...

„Особенно — женщины, эти ограниченные, пошлые создания... Мысль о будущих поколениях поддерживала его в том одиночестве, которое... которое... которое“ ..

Не в силах сразу придумать, что должно итти за словом „которое“, Кошконосов подходит к ларьку, чтобы приобрести пачку папирос „Бокс“.

— Дайте мне... — начинает он, но стоящий уже около ларька гражданин в изукрашенной кожей шляпе перебивает.

— Извиняюсь, я раньше вас подошел.

— Мало ли кто раньше, — отвечает Кошконосов. И разумеется — в голове: „На удары врагов он всегда отвечал меткими ударами“.

— А то значит, что вы обождете, — не унимается гражданин. — Я сюда подошел, когда вас еще давным-давно не было.

Гражданин боком оттирает Кошконосова от ларька. Кошконосов начал было: „Он был всегда выше всяких житейских мелочей. Ничтожные люди, с которыми приходится встречаться на каждом шагу“... — как вдруг слышит, что гражданин в шляпе в свою очередь бормочет:

— „Мощный удар по черепу оглушил негодяя. „Пачку „Бокса“, — вскричал Джек, бросая на оцинкованный прилавок три пенса“...

Кошконосов внезапно понимает, что он встретил себе подобного: гражданин в шляпе так же мыслит о своей особе в литературных категориях...

Поздно вечером, отходя ко сну, Кошконосов с удовольствием вытягивает под одеялом ноги. Последняя его мысль об уходящем дне и собственной усталости звучит в плане литературы почему-то крестьянской:

„Ой, гудут мои ноженьки, — думает он, — уходились ноженьки, умахались рученьки“...

Кошконосов снимает пенсне, рот его порыбьи открывается, и во сне он не обнаруживает ни одной приметы, по которой можно было бы сказать, сколь велико влияние на его жизнь плохой литературы.

Да только ли на его жизнь?

В. Ардов.

П. Белянин

ОППОРТУНИСТ *(радио)*: — *Лишаю тебя слова!*

К. Ротов

Старые рабочие часто не помогают новичкам.

— *Говорят, что я не помогаю новичкам... А без моей помощи ты бы выпил восемь кружек пива?*

БЮРОКРАТ И ВЕСНА

В. Козлинский

— Ну, кажется, работа по снегозадержанию закончена...

АЛЛЕЯ УДАРНИКОВ

Нет у меня, товарищи, слога,
Я, персонально, оратор неважный,

Фу, ты чорт! — До чего вас много..
Со страху язык не сгибается ажно.
Ну, да ведь вы не чужие все-таки,—
Вы на меня не посмотрите искоса;
Ведь я не могу наподобие трещотки,
Мне надо, товарищи, искренно высказать.

Действительно, верно, прогуливал часто,
Так это, товарищи, было, а нынче..
Нынче довольно! Нынче баста!
Нынче все, товарищи, иначе.
А впрочем... я расскажу по порядку.

День был осенний, но пыльный и парящий,
Товарищ мой набрался порядком,
И я, персонально, не отстал от товарища,
К семи часам вечерняя смена,—
Нам бы часок проспаться — и в цех,
А тут незнакомка одна, как на грех,
В Парк культуры зовет непременно.
Как раз на троих у нее контрамарка,
Вежливо просит, отказаться неловко.
Приехали. Входим. Гуляем по парку.
В кармане недопитая сороковка.
Вижу светится спиральная башня.
Вскарабкался наверх. На башне — барышня.
Характер у барышни решительный очень,
Только я влез, а она, между прочим,
На коврик меня посадила и ножкой
В зад, персонально, подпихнула немножко.
А я, товарищи, чуть не кричу,
Лечу и верчусь, верчусь и лечу.
Встал. Стою. И фуражку комкаю.
Товарищ куда-то исчез с незнакомкою.
Вокруг меня веселые лица,
Парочки ходят, глазами ворочают.
Так сказать, отдыхает столица,
Культурно проводит часы нерабочие.

Люди хохочут, а мне не хохочется.
Даже противен веселый гул.
То ли я пьян? То ли выпить хочется?
То ли совесть грызет за прогул?
У людей, так сказать, узаконенный роздых,
Вот и шагают туда и сюда,
Вдыхают в себя замечательный воздух,
Вдыхают согласно Кодексу труда.

Чисто одетенький, в кепке мохнатенькой,
Парень подружку под ручку ведет.
„Что ж вы стесняетесь, кушайте, Наденька!"
И Наденьке сладенькое сует.
Прошли и смешались с толпою оба
А у меня, персонально, злоба.
Прямо хоть выть начинай по-волчьи:
„Ишь-ты гуляют, догуляетесь, сволочи!"
На скамейке стриженая дама
Кормит вафлями м чонку желтоглазого.
Подхожу и говорю ей прямо:
„Язва!
Ишь, надела шляпку. Думаешь, красивая?
Корова сивая!"
И дальше пошел. Показалось сначала,
Будто от дамы мне полегчало.
Но не надолго. Опять навалилось,
Хоть самого себя удуши.
Ну что ж такое... Ну, скажите на милость...
Ну словно.. зубы болят у души.

И так забрался я в самый зад,
В этот... как его... Нескучный сад.
Взял бутылочку. Пробочку выбил..
И, персонально, выпил.
Выпил, зевнул и заснул под кустом.

Проснулся утром. Часу в шестом.
Роса, разумеется. Сыро, прохладно.
Птички чирикают. Солнышко. Ладно...
Подымаюсь. Одежда от сырости влажная,
И вообще настроение неважное.
Иду это я и себя жалею.
И новые брюки свои полосаты
И выхожу, наконец, на аллею,
А вдоль аллеи скульптурные статуи.

Я, персонально, с карандашом подхожу
Думал для смеха написать неприличность.
Букву одну вывожу... и гляжу...
Чтой-то у статуи знакомая личность.
Федор Семенович... он, разумеется!..
И даже фамилия снизу имеется.
Слесарь-ударник из нашего цеха.
Вот тебе и неприличность для смеха!

Возьмем, к примеру, Пожарского-Минина.
Положено быть монументом по штату им,
А тут другое.. Тут вот именно
Живого слесаря вывели в статуе!
Но зря-то не будут портить гранит,
Зря-то не истратят народные рублики,
Значит, он потому стоит,
Что, персонально, заслужил у республики.
И верно. Семеныч работник на-ять,
Так сказать, себя не жалеет,
Но, значит, и я бы мог стоять
Рядом с ним на ударной аллее.
И вот возбудились во мне тогда
Очень красивые мысли и чувства,
Что будто бы я, ударник труда,
Стою на аллее произведеньем искусства.
Ну, словом, в мечтаньях парю и летаю,
Стою и мечтаю, мечтаю и таю..

У самого шевелюра лохматая,
Морда, как пыльная тряпка, помятая,
Во рту, извиняюсь, и тухло, и жохло,
И на костюме чевой-то присохло.
Словом, скажу, описание заканчивая,
В общем и целом — наружность обманчивая.
И сделалось мне, персонально, ясно,
Что я, так сказать, гражданин напрасный.
Так сказать, бесполезный для современного времени
И являюсь республике в качестве бремени,
И что в глазах рабочего класса,
Который героически сбросил ярмо,
Я, персонально, отсталая масса
И, так сказать... дерьмо.

И вот, товарищи, с этого дня,
Все по-иному пошло у меня.
Между прочим, пришел в сознание,
Безусловно на правильной точке стою,
Выполняю и перевыполняю задания,
Так сказать, от товарищей не отстаю.
Значок ударника в петличке алеет,
И может... конечно!.. Отчего бы и нет?!
Когда-нибудь вы на ударной аллее
Увидите мой персональный портрет.

Мих. Вольпин.

**ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!
ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ
НА КРОКОДИЛИЙ СМОТР
КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ**

В. Козлинский

— Странная вещь... Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли, а Литвинов вместо этого вскрывает наши мысли.

ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

РАДОСТЬ свалилась неожиданно, как гром в ясную погоду.

Утром бакинцы ходили хмурые и злые, жаловались на холод и очереди, проклинали трамвай и Главтоп. А днем, когда снег, забыв стыд и совесть, стал падать крупными хлопьями, ртуть в градусниках, словно на салазках, спустилась ниже нуля, и на улицах появились первые снежные сугробы, — в зеркальных окнах Азторга засверкали, переливаясь всеми цветами радуги, дамские зонтики и искусственный жемчуг.

Люди сначала не поверили. Возможно ли? Не ослепление ли это? Не массовый ли гипноз?

Но завмаги ходили именинниками, высоко подняв свои головы, и продавцы смотрели на покупателей с таким видом, точно они, а не кто-нибудь другой, спасли человечество от гибели в тот самый момент, когда гибель была уже неизбежна.

Сомнений быть не могло. Радость пришла, яркая и цветистая, как оперение попугая. Ее можно было щупать руками, прижимать к сердцу, бросая вызов некстати пришедшей вьюге, и брать с собой домой. Только заплати деньги. Больше ничего.

Человек подобен разборчивой невесте. Счастье, можно сказать, тут, возле него, само в руки дается, а он не понимает и отворачивается. Спорить против этого так же неразумно, как топить печку снегом.

Я наметил себе продавца с широкой, гостеприимной всепрощающей улыбкой на лице и подошел к прилавку, стараясь быть приветливым.

— Будьте любезны, товарищ...

— Зонтик или жемчуг? — прервал он меня.

Мне стало немного неловко. Я опустил глаза и сказал шопотом:

— Мне, собственно, зубную щетку надо.

Продавец молча куда-то удалился, молча вернулся назад и раскрыл передо мною коробку... с искусственным жемчугом.

— Прошу обратить внимание, — начал он декламировать привычным голосом, — жемчуг почти ничем не отличается от настоящего. Блестит, сверкает, не чернеет. Могу гарантировать...

— Извините, товарищ, — перебил я его, — мне нужна зубная щетка.

— Ну, слыхал! — резко сказал он. — А ежели у нас щетка с жемчугом идет? Ежели мы так купили? Поняли?

— Нет, — сознался я. — Ничего не понял. Расскажите толком.

— Некогда мне вам рассказывать! — отрубил он и отошел в сторону.

Рассказал мне другой. Я уже уходил из магазина, когда меня остановил молодой парень с красными от холода щеками и расстегнутым воротом. Он отвел меня в сторону, оглянулся и, приняв позу делового человека, рассказал:

— Я тоже в Азторге работаю и могу вам сообщить. Понимаете, наш представитель закупил партию зубных щеток и в придачу к ним взял партию жемчуга. Кроме того, мы получили 3.000 дамских зонтиков. Надо торговать...

— Постойте. Зачем надо было покупать зонтики и жемчуг, когда на эти деньги можно было купить, скажем, курдючное сало, макароны, томат, консервы, туалетное мыло — да мало ли таких предметов?!

— Было все это у нас! — с отчаянием сказал парень. — Было это!

— Как это — было? А теперь?

Он еще раз оглянулся и для большей безопасности перевел меня в другой угол.

— Слушайте! В ноябре мы получили из Нахичевани 12.000 кило курдючного сала. Пролежало оно месяц у нас на складе, а потом ответственный исполнитель Богуславский распорядился отправить его в Нахичевань. Зачем? Неизвестно! Были у нас на складе макароны, но их так долго перекладывали с места на место, что они превратились в муку. Было 12 бочек томата, но его так долго держали на складе, что он испортился. Придется его выбросить. Был бурак, но он сгнил. Его тоже придется выбросить. А мыло лежит на складе. 70.000 кусков. И проволока лежит на складе...

— Какая проволока? Откуда она к вам попала?

— Не знаю! На рынке проволоки нет, а у нас на складе 7 тонн валяется без всякого дела. Теперь все понятно вам?

— Нет, не все. Еще один вопрос. Почему об этом ничего не знают те, для которых это составляет некоторый интерес?

— Теперь уже известно, — улыбнулся парень. — На складе бригада сидит...

Падал снег. Было холодно. И люди, пренебрегая радостью, предложенной им Азторгом, куда-то суетливо спешили.

Только уборщица работала.

Она старательно вытирала окна магазина, чтобы жемчуг и зонтики ярче бросались в глаза.

Ал. Яковлев.

Баку.

„КВАКВАРИУМ"

ВОТ ИМЕННО: не аквариум, а «ква-ква-риум». Это новинка для наших «юнатов», и открыли ее в Одессе.

Гнилое, топкое оппортунистическое болотце, и квакают в нем отвратительные обывательские лягушки.

В аквариумах в уголках юнатов лягушки имеют номера и редко — клички.

В «квакварйуме» они имеют: собственные имена, отчества, фамилии и даже анкеты:

— Тавлик... Клецман... Валуйко... Ситков... Лопак...

— Ква-ква!..

1

Место действия — Одесса. Место преступления — Одесспайторг. Действующие лица — вышеуказанные лягушки из оного гнилого болотца. Стиль — эпистолярный. Документы и свидетели — письма — корявые строчки на замызганных, нечистых обрывках бумаги.

Слово дается обитателям квакварйума:

— Ква-квак!..

2

Налетом на магазины Одесспайторга бригада РКИ обнаружила 200 «дружеских записок». Вот азбука — язык и дело квакушек-кумушек:

А — «Товарищ Лурье! Отпусти подателю на платье креп-де-шин».

Б — «Лурье! Даешь пару обуви и два платья по 14 лет».

В — «Товарищ! Надо изделать этому парню пару ботинок и пару брюк на высокого роста».

Иногда люди понимали друг друга положительно с полуслова:

Г — «Тов. Лурье! Чайник...»

Д — «Парень! Вызови меня по номеру 22-51. *Ситков*».

И на обороте отметочка:

«Отпущено по телефону (?!) два костюма».

По телефону! По звонку! Ишь ты, какое электрифицированное болотце...

3

Есть записки, захватывающие своею глубиной и лаконичностью:

Е — «Магазин № 6. Бр!..»

Ж — «Маг. № 15. Тр!..»

Расшифровывается:

БРюки... ТРусы...

Другие, наоборот, волнуют необычайным размахом, широтой натур,— как говорят на Украине «щирістю».

И — «25-й! Отпусти 15 пар трико, 20 пар трусов и 10 одеял».

К — «6-й! Подателю — 4 ковра и 130 ковровых дорожки».

Л — «27-й! Дай 30 дамских платьев».

Подписывали лягушки, получали болотные черти, — «кто в бога верил». Получали «щиро».

И неизвестно: за что?.. Почему?..

Нечистая рука завов и помзавов, вредительская рука бывших торгошей, лишенцев, проходимцев почти целый год разбазаривала госорганизацию.

Вагонами уплывали дефицитные товары на сторону, а в магазинах ударников и в ЗРК полки жутко пустовали:

— Ква-ква!

4

Болотце высохло. Штормовые ветры РКИ и прокуратуры высушили и эту лужицу.

Выбросились квакушки на бережок. Выпучили зеленые глаза:

— Ква-ква... ква... И за что это нас растревожили? За что? Почему?

Ал. Светлов.

„НЕБОЛЬШАЯ" РАЗНИЦА

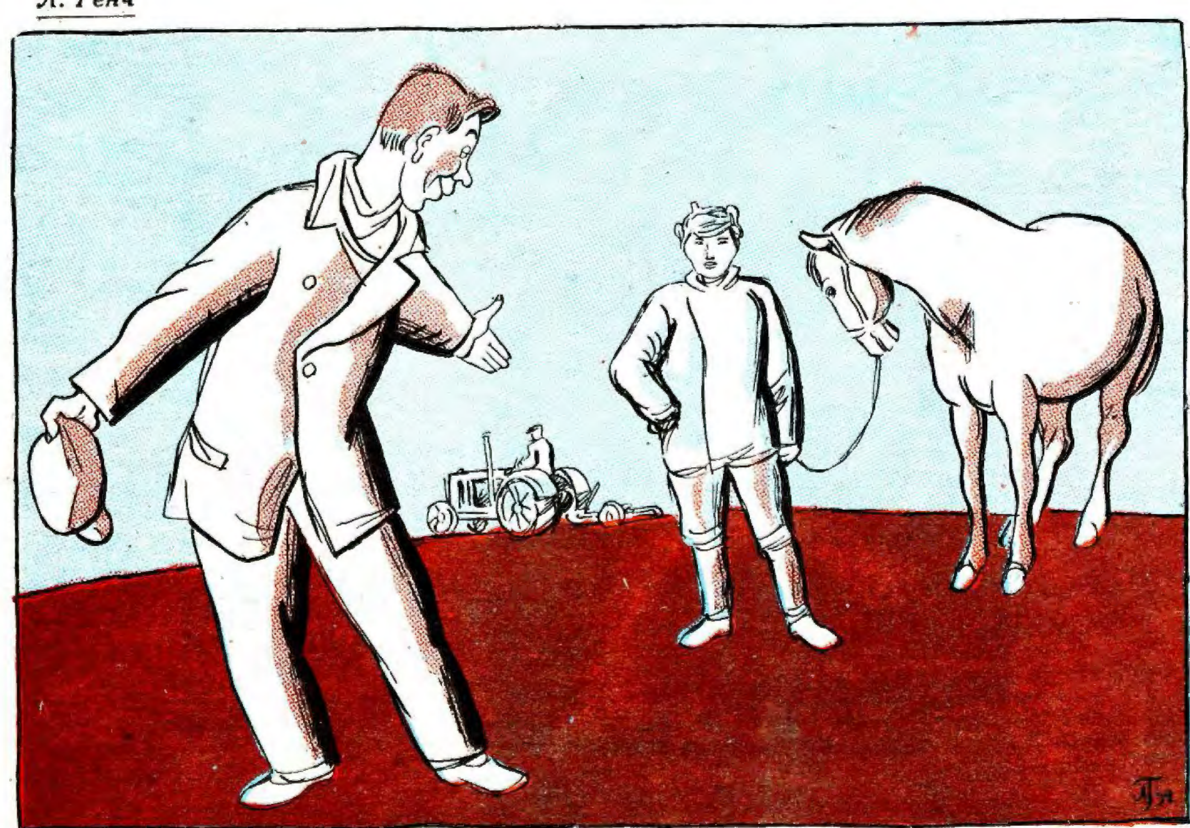
В г. Миллерове (Сев. Кавказ) горсовет закрыл красный уголок рабочих Промкредитсоюза и вместо него открыл пивную.

А. Топиков

ГОРСОВЕТЧИК: — Не понимаю, чего вы волнуетесь? Прежде здесь были кружки́, а теперь кру́жки. Разница только в ударении!

Л. Генч

ОППОРТУНИСТ (лошади): — „Прощай, мой товарищ, мой верный слуга, расстаться настало нам время"...

КОЛХОЗНИК: — Поэтов-то ты знаешь хорошо, а зато партийных директив ты, видать, не читал.

„С ИГОЛОЧКИ"

НА ПАЛЬТО мне дали ордер,
В магазин затопал я.
Ничего пальтишко вроде,
И подкладка теплая.

Прилегло оно к костюму,
И вполне сознательно
Погасил я, значит, сумму
В книжке сберегательной.

Может, в глаз пустили пыли...
Впрочем, шутки в сторону, —
Вышел — пуговицы были,
А пришел — оторваны.

Дома глядь — пола худая,
Я — иголку, штопаю.
А жена меня ругает
И ногами топает.

Будто я виновен в том,
Хоть назад неси его, —
Рукава стального цвета,
Полы — темносиние.

Стал я грустен, даже очень,
Пострадал деньжишками...
... До сих пор у нас охочи
Шить кафтаны — тришкины!

Сем. Скороделов.

КНИГА С ХВОСТОМ

Завмагази ом Союзсахара № 1 (Москва) предложил гражданину, потребовавшему жалобную книгу, встать за ней в хвосте живой очереди, выстроившейся за сахаром.

Сказал гражданин, отступая,
„Не надо! Мне ждать надоело:
Здесь очередь, точно живая,
Да жалоба — мертвое дело!"

КИТАЙСКИЙ ДЕЛЕГАТ В ЖЕНЕВЕ

К. Ротов

БЕЗ ПЛОЩАДИ

У СЛЕСАРЯ Конькова проживает родитель жены Евграф Васильич. Человек он прежнего закала, но старые корки и от него помаленьку отлетают. Например, — церкви не посещает; насчет бога сомневаться начал, хотя еще не решается удалить со стены большую, тяжелую икону Спаса нерукотворного в серебряном окладе.

Сам Коньков — слесарь, давний безбожник и не очень дружелюбно поглядывает на Спаса нерукотворного, но молчит, чтоб не обидеть тестя.

Так и прожили совместно они года четыре в полном согласии. Спас нерукотворный все это время спокойно висел на трех здоровенных гвоздях в стене. На пятый год Коньков получил через свой завод новую квартиру.

Прежняя была маловата и не очень удобна для семейного человека: три шага поперек, четыре — в длину. Днем туда-сюда, квартирка терпимая. Ребятишки на улице, Коньков на заводе, тесть тоже при деле — в парикмахерском заведении, у вешалки. Супруге Конькова, значит, — полный простор.

Но когда сбирались все в одну кучу, было трудненько. Особенно ночью.

Супруга с четырехлетним Федюшкой — на кровати. Семилетний Васютка на столе спит, девятилетняя Дашутка — под столом. А Коньков на полу, — голова у двери, ноги упираются в диванчик, на котором Евграф Васильевич спал в три погибели, не умещаясь во весь рост на своем очень коротком ложе, — и было просторно только одному... Спасу нерукотворному.

Переехали на новую квартиру. Площади в ней двадцать семь метров. В одной стене окно, аптека, школа, продмаг — перед ним. В другой стене тоже окно, — вся улица с трамваями видна. На кухне газовая плита. За кухней — ванна с газовым отоплением.

Всех больше радуется тесть Евграф Васильич.

— Мать честная, — говорит. — Во сне такого жилья не снилось.

Стоит посреди комнаты со Спасом нерукотворным в руках, глядит на стены, соображает вслух:

— А ведь некуда! Жаль такие стены безобразить гвоздями.

Подумал, подумал, поставил Спаса на пол и, перед ним руки растопыря, сказал:

— Извини, батюшка, ничего не поделаешь. Площади для тебя не отпущено!

Ив. М—в.

КРЕСТОВЫЙ ПОДХОД

Текст и рисунок А. Стоврацкого

БЕЙТЕ ДРОБЬ, профбарабаны! Ярче радость на лице! Для спасенья промфинплана найден правильный рецепт.

Разлетайся, весть, по свету, — необычно способ нов: на заводах больше нету срывщиков и летунов!

Убеждайтесь, что не враки, что написано не зря: поезжайте прямо в Саки, в Крым, короче говоря...

Саки... Крым — души отрада, воспеваемый стихом...

Церковь. Ветхая ограда. А за ней могильный холм. И на горестной могиле, чтоб прогульщик не воскрес, фабзавкомцы водрузили нижеприведенный крест:

Свежесть нового подхода! Профра бота тешит взор! Только вот одн невзгода: в трех верстах от Химза вода на кресте висит позор, а завко поник в тревоге, плачет, влипнувш впросак: летунам не по дороге в цер ковь этих самых Сак...

Иногда, идя молиться, пара-дв кликуш-старух с изумлением на л цах постоят, помямлят вслух:

— Упокойник чтой-то странный...

И покрестят лоб рукой:

— Боже, душу промфинплана с святыми упокой...

●

Убедительный профметод! Кто д селе не знаком, запишите адрес это

Саки. Химзавод. Завком.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ах, как заседает президиум плановой комиссии Воронежского горсовета! Красота!

В своем историческом заседании 27 февраля 1932 г. он собирался рассмотреть ни много ни мало, как 6 промфинпланов крупнейших воронежских предприятий, внедрить женский труд в производство, подготовить весеннюю посевную, углубиться в недра и перспективы топливного баланса, привлечь средства на жилищное строительство, принять целый кирпичный завод и т. д. и т. п.

18 докладчиков двинулись на штурм 18 пунктов повестки дня, потрясая об'емистыми папками материалов.

15 содокладчиков должны были поддерживать силы уставших бойцов.

Мы не знаем, чем все это кончилось. Мы ждем жутких вестей, что тов. Аристов, принужденный 4 раза выступать содокладчиком, вообразил себя петухом, закукарекал и принялся клевать тов. Потехина, который после такого же количества содокладов раз навсегда погиб для заседательского спорта.

И мы интересуемся вопросом: хватит ли психиатров в Воронеже для того, чтоб ликвидировать последствия этого заседательского циклона?

СЕБЕ НА УМЕ

Башлесосекция срочно запросила Уфимский лесорабкооп о потребности на 1-й квартал 32 г. в дегте и колесной мази.

Лесорабкооп вполне резонно ответил, что сани у них особой конструкции — без колес.

Башлесосекция вторично запросила о том же.

Настойчивость Башлесосекции можно об'яснить лишь отсутствием у ней и дегтя и колесной мази.

КОНСЕРВНАЯ МАГИЯ

ВЫ, КОНЕЧНО, знаете о «чудесах XX века», которые демонстрируют (только три дня!!!) перед уважаемой публикой знаменитые престижаторы и факиры.

Вы, конечно, видели, как потертая кепка зрителя в ловких руках Али-Бали-Бея (настоящего!!!) на ваших же глазах превращается в пеструю курицу, а небольшой безобидный стул — в неплохой зонтик, из которого дождем сыплются ровы и вылетают голуби.

Вы смотрели на все эти чудеса и, возможно, остро завидовали: вот бы и мне так! А на самом деле демонстрировать такие фокусы очень легко. И действительно: каждый, даже недалекий человек без особых затрат и приспособлений может завинтить чудо, которому позавидует сам Али-Бали-Бей. Главное, здесь не нужна ни черная магия ни даже пресловутая ловкость рук. Все делается само собою, а вам остается только произносить магические слова да кланяться на бурные аплодисменты публики.

Фокус первый. Вы берете коробку консервов «бычки» и показываете ее публике. Потом быстро открываете коробку. О чудо! — «бычки» превратились в синие баклажаны.

Фокус второй. Вы снова берете «бычки», даете их кому-нибудь из публики, а сами отходите на десять шагов и стреляете из пугача. «А теперь», — говорите вы держащему коробку, — «прошу попробовать рыбки», — тот открывает коробку н... все видят, что там вместо «бычков» — гороховая каша.

Фокус третий. На этот раз волшебных «бычков» вам с успехом может заменить «скумбрия в томате». Два-три заклинания, — и ехидная рыбка полностью исчезает, а на ее место появляется неплохая оберточная бумага.

Фокус четвертый. Таким же образом можно «ставриду» превратить в «торичеллиеву пустоту» и так натурально, что зрителям даже кажется: в этой коробке, вообще не было консервов. До того суха и чиста жестянка!

Впрочем, довольно! Я уже слышу нетерпеливые вопросы: как именно проделывать эти фокусы? Где доставать магические консервы?

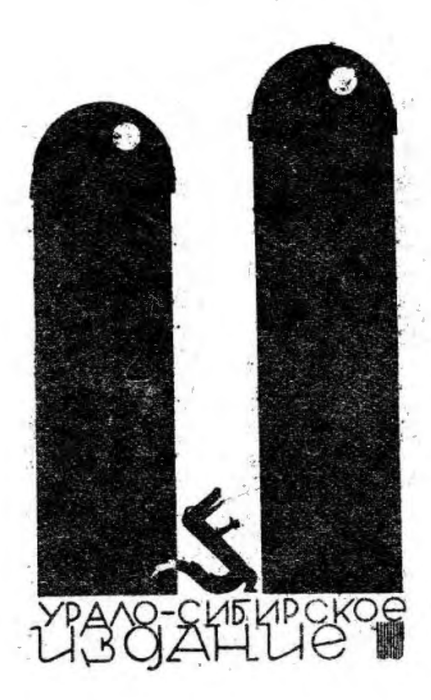
ОТВЕЧАЮ: Этот магический реквизит можно получить в любом магазине Хаторга, при чем следует требовать только изделия **«ОДЕССКОЙ КОНСЕРВНОЙ ФАБРИКИ».** Это она, голубушка, на коробках с гороховой кашей наклеивает ярлыки „бычки“, а синие баклажаны бесстрастно именует „ставридою в томате“. Когда же такая „перемена фамилий“ ей надоедает, Консервная фабрика начинает консервировать оберточную бумагу или же просто запаковывать пустые коробки. Это, правда, не совсем удобно для потребителя, но зато... „какой простор“ для начинающих индусов!

Сергей Чмелев.

В апреле открывается выставка „КАРРИКАТУРА НА СЛУЖБЕ СОЦ.-СТРОИТЕЛЬСТВА“, организуемая гос. Третьяковской галлереей совместно с редакцией „Крокодила“ в связи с Х-летием журнала.

— А? Что? Как? Говорите же громче! Мы ничего не слышим!..

О ВЕРТОПРАХАХ

Приезжает на строительство,
Разряженный в пух и прах,
(Лет под тридцать приблизительно)
Очень юркий вертопрах.

Приезжает. Озирается.
И, с тоской пополам,
С видом рыси или зайца
Рысью рыщет по цехам.

Забирается в столовую,
Ест обед за четверых,
А потом мычит коровою
По баракам тухлый стих.

А к утру — столпотворение
В «одаренной» голове,
А к утру — стихотворение
Из технических словес.

С домной он свершает таинство,
Чугуну он — друг и брат.
Он с машинами братается,
Халтурнегою об'ят...

А в дневник заносит вечером:
«Я грущу, хочу домой.
Мама! Мне тут делать нечего,
Я — не здешний, я — иной...»

Мама слышит ли? Поведова
Вертопрах на всех порах
С прытью истинно неведомой
Задыхается в стихах:

«О, страна моя могучая!
Я хочу тебя обнять...
Ты — ударная, ты — лучшая!
Раз, два, три, четыре, пять...

Стройкой стройною упрочены
Наши пышные сердца...»
И так далее и прочее
Без надежды, без конца..

Гонорарной лихорадкою
Усластив свой звонкий пыл,
Вертопрах с улыбкой сладкою
Пел. Пропел. Потом — уплыл...

Набросал я здесь неласково
Тип достаточно затасканный,
Но клянусь я: в наши дни
Вертопрах нам не сродни!

Б. Бобович.

Едут... не едут...

Рисунки Л. Генча

Молодой человек во фраке и крахмальной рубашке вышел на арену магнитогорского цирка. Молодой человек со звучным псевдонимом Тосканини и обиходной фамилией Сидоров засучил рукава фрака, выпил подряд 10 стаканов воды и начал глотать лягушек, тритонов и ящериц.

Невзыскательный ужин молодой человек закончил тем, что выпил бутылку керосина, которую потом выпустил обратно и зажег.

Магнитогорский рабочий зритель с недоумением смотрел на упражнения молодого человека и удивлялся: „Кому это надо?"

Молодого человека прислало в цирк Магнитогорска уральское УЗП. Магнитогорский же цирк после первого дебюта послал его немедленно обратно.

В одном из бараков Магнитогорска, вечерком, демобилизованный красноармеец организовал симфонический концерт на стаканчиках. Номер пользовался колоссальным успехом. Все население барака наградило артиста-самоучку шумными аплодисментами и дружно подтягивало звону стаканочного оркестра.

Граммофон на стройке является предметом острой зависти.

По вечерам к владельцу граммофона набиваются кучи народа, жаждущие искусства, и если бы хозяин этого искусства пожелал, допустим, брать по рублю с посетителя, — ему были бы обеспечены без всяких трудов самая высшая персональная ставка и регулярный ежемесячный доход.

Виртуоз на старой шарманке сможет сделать на Магнитострое шаляпинские сборы. Нескольких баянистов, имеющихся на стройке, рвут на части, и они расписаны на несколько месяцев вперед на гастроли.

В Магнитогорске форменный голод по искусству, по культурным развлечениям, по музыке и эстраде.

Нельзя сказать в то же время, чтобы наши центральные организации, ведающие той или иной отраслью искусства, забыли о Магнитострое.

Наоборот. Почти еженедельно магнитогорцы читают, что намечается построение очередного „магнитостроя искусства", „магнитостроя театра", „магнитостроя литературы", „магнитостроя музыки".

Читают, понятно, с удовлетворением, но, в то же время разводят руками и удивляются: „Почему же при такой любви к Магнитострою ни один из представителей этого искусства не хочет заглянуть на самый настоящий, подлинный Магнитострой?»

МХАТ, ГАБТ, ГИМН, ГИХЛ, Рабис и прочие органы, прикосновенные к искусству, до сих пор не могли перестроить мозги ни у одного артиста с таким расчетом, чтобы он приехал и продемонстрировал свое искусство не только в Москве, но и на Магнитострое.

Великолепный ГОМЭЦ, в коридорах которого обиваются сотни и тысячи молодых людей, жаждущих очередной халтуры, спокойно наблюдает за тем, как на Магнитострое глотают лягушек. Ни один крупный эстрадный артист из центра не заглянул еще на Магнитострой.

ВЦСПС предложил ЦК в срочном порядке прислать на Магнитострой руководителей художественных агитбригад, баянистов, артистов и музыкантов. Ряд ЦК союзов, получив разверстки ВЦСПС, устроил собрания по этому поводу, наметил кандидатуры, выделил героев художественного фронта, желающих за приличную оплату, понятно, ехать на Магнитострой сеять художественную культуру, сказал им напутственные речи, выдал путевки и забыл об этом деле всерьез и надолго.

Характерный пример — история с артистом *Сысоевым*, направленным на Магнитострой ЦК Рабис.

Сысоеву жали руки в Москве, наиболее горячие поклонницы бросали в воздух чепчики, Сысоев снялся в художественной фотографии во весь рост с надписью. «Советское искусство», вероятно, напечатало о нем заметку, артист получил под'емные и путевку.

Оставался самый пустяк: сесть в прямой поезд Москва—Магнитогорск. Но в самый последний момент Сысоев раскаялся и засел сеять «вечное искусство» в массах ЦК транспортного машиностроения, устроившись там на постоянную работу.

Не менее показательный пример с цирковым артистом Виталием Лазаренко, которого, после длительных настояний Магнитогорска, ГОМЭЦ решил направить на Магнитострой.

Цирк выпустил анонсы, билеты раскупили заранее, Лазаренко ждали с нетерпением, но по дороге уральское УЗП перехватило Лазаренко и заставило его играть в Челябинске.

В Магнитогорске почти невозможно достать аккомпаниатора на пианино.

Между тем московские студии заполнены юношами и девушками, изучившими все премудрости фортепианного искусства и, несомненно, принимающими горячее участие в теоретических наметках по созданию «магнитостроя музыки».

Между тем на Магнитострой *настоящий* ни одна организация артистов не посылает. Магнитострой не видал ни одного популярного московского или ленинградского артиста, ни одного известного эстрадника из центра, ни одного хорошего концерта или театрального ансамбля.

ГАБТ, МХАТ, ГИХЛ, ГИМН, ГОМЭЦ и прочие знатные иностранцы!

Известно ли вам, что существует Магнитострой с двумя стами тысяч отборных пролетариев, строящих социализм?

И если неизвестно, то почему?

Бен-Гали.

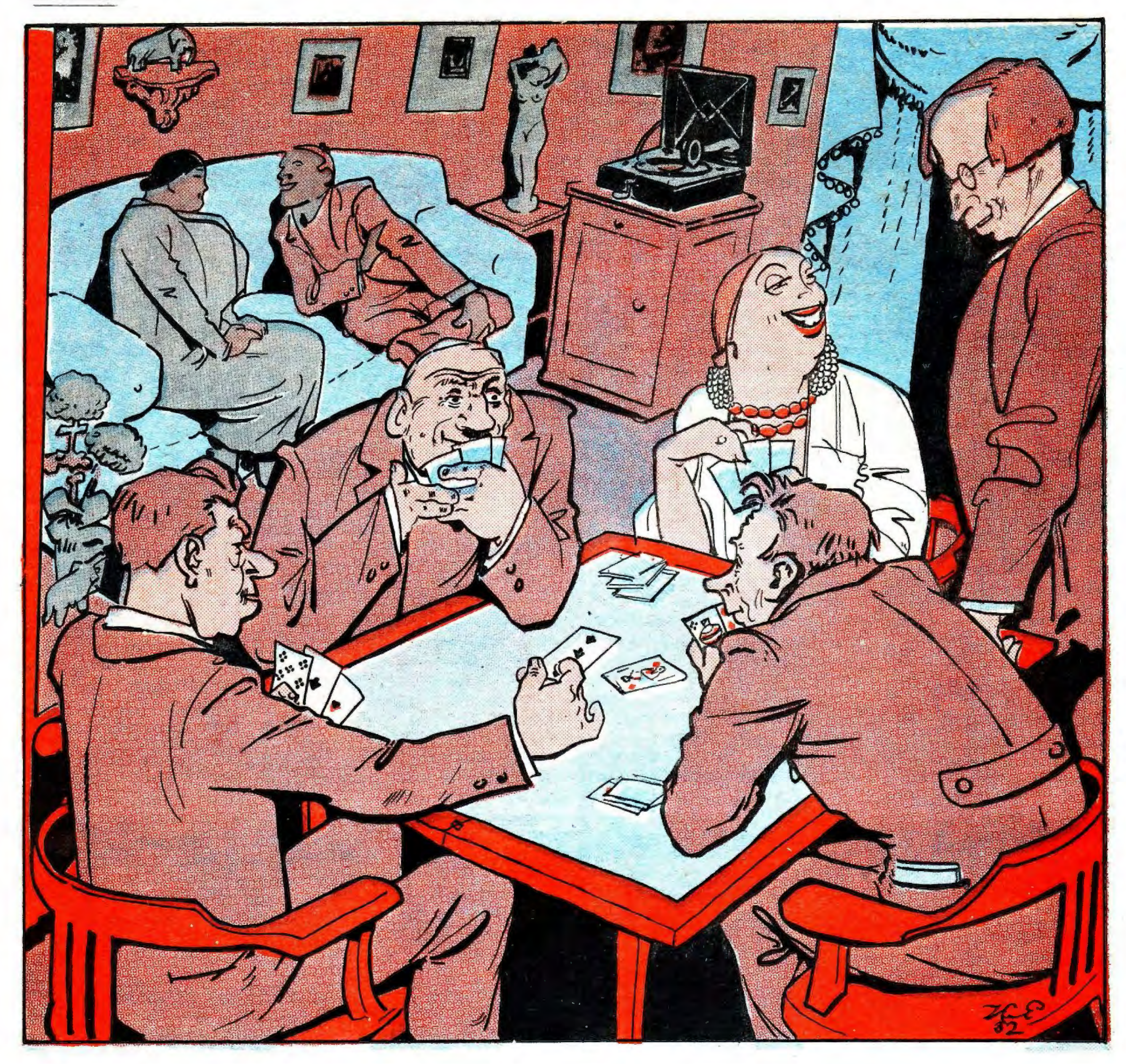
Покровская школа 1-й ступени (Ермаковский район Западно-сибирский край) в виду полного отсутствия учебников, карандашей и перьев более двух месяцев „ехала на языке учителя": обучение письму проводили путем „начертания перстом".

М. Хропковский

УЧЕНИК: — *Невозможно заниматься, товарищ учитель, с утра напишешь, а к полдню солнышко взойдет, и все растает.*

К. Елисеев

— Нам-то хорошо, а каково обывателям перестраивать свой быт к концу второй пятилетки...

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ

ВСЕМ ИЗВЕСТНО: чтобы сварить мыло, нужны жиры, сода и гарпиус. Диспозиция мыловаренного фронта в 1931 году была следующая: ВСНХ располагал содой, гарпиусом и мыловаренными заводами, а Наркомснаб — жирами и тоже заводами.

ВСНХ щедрой рукой отпускал соду и гарпиус... своим заводам, а остатки посылал наркомснабовским:

— Кушайте на здоровье!

Вы думаете, что Наркомснаб лыком шит?

Наркомснаб щедрой рукой отпускал жиры... своим заводам, а остатки посылал ВСНХ'овским:

— Сами кушайте на здоровье!

Но здоровья не было: у одних был избыток витаминов А и Б, у других — В. и в общем получилось дело, начинающееся со следующей буквы алфавита.

В 1932 году диспозиция такова: у тяжелой и лесной промышленности остались сода и гарпиус, у легкой — заводы, а Наркомснаб остался тоже при своих заводах и с жирами.

Мы боимся, что у тяжелой промышленности будет легкое отношение к снабжению содой мыловаренной промышленности, и она окажется в тяжелом положении.

С другой стороны, — Наркомснабу не по чину иметь мыловаренные заводы.

Наркомснаб и сам это понимает и держит их на задворках.

Да и работа у Наркомснаба не клеится: план мыловарения выполнен на 60 процентов при использовании мощности предприятия лишь на 45 процентов.

И еще один недостаток: не выполняется основная задача Наркомснаба в мыловаренной промышленности — заготовка жиров.

Трудно считать достижением заготовку утильжиров в размере сорока пяти сотых процента плана.

Прямо скажем: «Невозможно!»

Может быть, сосредоточить мыловаренную промышленность в одних руках?

Может, дадим мылу четкую физиономию?

Ал. Каюров.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

О БРЕВНЕ В СОБСТВЕННОМ ГЛАЗУ

Вожегодская районная газета «Борьба» (Сев. край) в № 16 печатает корреспонденцию о колхозе им. Сталина под многозначительным заголовком: «*Без руля и без ветрил*», в которой автор во все корки разделывает беспорядки, творящиеся в этом колхозе.

На той же полосе, на пару сантиметров ниже, печатается еще корреспонденция о том же колхозе, в которой газета призывает другие колхозы учиться у колхозников «им. Сталина».

Сдается нам, что и в самой газете не совсем благополучно с рулем.

РАЗГУЛ АРТИЛЛЕРИИ

Ковровская газета «Рабочий клич» (Ив. обл.) поместила очерк-воспоминание одного из участников боев за Казань.

Очерк блещет следующими образами и сравнениями:

> «Противник отступал под разгулом нашей артиллерии».
> «Неожиданный противник усилил пуск тяжелых плевков артиллерии, которые в истерике ложились впереди наших голов».
> «Наша артиллерия заборматала»..

Очеркист что-то бормочет, а что делает в это время редактор — неизвестно.

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПРИГЛЯДЕТЬСЯ!

Газета «Коммуна» (Воронеж) дает следующее популярное об'яснение роли шарикоподшипников:

> «Роль подшипника велика, — он организует движение, изменяет его нужными зигзагами. Приглядитесь к любому станку, и вы насчитаете десятки зубчатых подшипников.
> Вращаясь, шарики соприкасаются не как обычные зубчатые подшипники»...

Мы пригляделись к станку— ни одного зубчатого подшипника, изменяющего движение нужными зигзагами.

Мы пригляделись к автору заметки В. Андросу и выяснили, что он — технически неграмотный человек, спутавший шестеренки с подшипниками.

УДАРНИК И ИСКУССТВО

К. Ротов

— *Чтобы отразить его во весь рост, видимо, нам самим надо подрасти...*

Вилы в бок

Многие инженерно-технические работники не работают над повышением своей квалификации.

Ив. Малютин

— *Эх, и сильную же тягу дают наши инженерно-технические работники.*

— *Где, в котельной?*

— *Нет, с занятий по технике.*

ЗАВ ОХОТИТСЯ

Зав. райфо Солоненко (Александровск, Дальневосточный край) план мобилизации средств за январь выполнил только на 35 проц.

Более успешной работе помешала охота на домашних коз.

В пылу охотничьего увлечения Солоненко в огороде соседа убил козу наповал.

Как говорится: «пусти козла в огород...»

ПОПАЛ ПАЛЬЦЕМ В НЕБО!

Налоговый инспектор Детскосельского горсовета посылает следующее отношение по такому адресу:

> **В финансовый отдел г. Кубани.**
> Препровождается дело по подоходному налогу гр. Рудеш, выбывшей в г. Одессу.

Географические познания налог. инспектора, мягко говоря, не на высоте: г. Кубани нет и не было, а есть река Кубань, которая когда-то впадала в Черное море.

Город Одесса расположен на Черном море, но в данной ситуации он Кубани двоюродный Севастополь.

АКАКИИ АКАКИЕВИЧИ

Плановая группа Центролесосекции разослала на места форму сведений об обслуживающих лесозаготовки.

В четвертой графе сведений спрашивается о количестве чиновников на лесозаготовках всех категорий.

Товарищи с мест сообщают, что у них чиновники всех категорий иногда бывают наездом из Центролесосекции.

ТЯП ДА ЛЯП

5 февраля с Курского вокзала отправился пригородный поезд № 171 в составе 10 пассажирских вагонов. В 19 ч. 02 м. поезд прибыл на станцию Москва-I, где при самом поверхностном осмотре состава обнаружили неполадку: нехватало 8 вагонов.

Более внимательный осмотр показал также отсутствие элементарной трудовой дисциплины в поездной бригаде. Бригада действовала так:

Тяп да ляп—вот колесо! Сел и поехал, как хорошо... Оглянулся назад... Оглянулись назад,—ни дисциплины, ни вагонов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ЗИНОВЬЕВСК. ГЕЙБТМАНУ. Вы просите ваше стихотворение «Два мира» «вместить» в журнал. Пробовали — не вмещается. Даже один.

БОРИСЕНКО С. К. Борисенко пишет:

«Нешто с радости, наверно,
С ожиданья, может быть,
Проводить так праздник скверно
Сколько вбийств и сколько драк!»

Пока видим лишь одно жестокое «вбийство»... русского языка.

Пошто злодействуете?

ЗИНОВЬЕВСК. СМЕХОВУ. У вас очень веселый псевдоним, в отличие от рассказов.

ЛЕНИНГРАД. Ф. Г. В присланном стихотворении вы говорите о своей смерти под трамваем.

Удивительно не то, что вы под трамвай попали, а то, что вы в мертвом виде стихи пишете.

ЯРОСЛАВЛЬ М. ПАВЛЮК. Вы пишете:

«Только что протянул ноги, расправил все члены, блаженно вздохнул и приготовился сладко заснуть звонок телефона».

Несомненная близорукость: вы звонок с *кем-то* спутали.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда". || АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДИЛ" — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией: И. Абрамский. Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 284 Сдача текста и рисунков — 9|III Подпись к печати—16|III. Статформат А4—210×297 Печатных листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В—19172. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда". Москва, Сущевск. вал, 49. Зак. № 679 Тираж 500.000 экз

М. Черемных

ВОЙНА – ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

— Срочно отправляйтесь в Тихий океан! А кому передать эти снаряды — японцам или китайцам, я вам сообщу по радио...